
Дмитрий БОБЫЛЕВ

* * *

Видео две тысячи седьмого
Крутится в смартфонной глубине.
Виснет между станциями, снова
Пляшет, отраженное в окне.

Старенький любительский арт-хаус,
Девушки в заброшенных цехах
Прячутся, от нечисти спасаясь.
В граффити застывший Микки-Маус
Ряб на силикатных кирпичах.

После съемки — пиво на скамейке
С полной батареей от любви,
На гитару новая наклейка
И общага в Нижнем-на-крови.

...Сядет батарея ближе к дому,
Маша сядет на пятнадцать лет.
На потухшей глади телефона
Отразится N, как будто Z.

* * *

Автобус с бирюзовыми боками
И солнце, непривычное пока,
Неловкие попытки чудака
Поймать шмеля бумажными платками.

Салон почти пустой, и в нем играют
Морские блики, пойманные той,
Которая, сорвавшись за мечтой,
Лучистыми глазами их пускает,

По крайней мере, так запомнил я.

Дмитрий Викторович Бобылев родился в 1987 году в г. Серове. В 2014 году окончил филологический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. С 2014 года живет в Санкт-Петербурге. Член Санкт-Петербургского союза литераторов. Публикации в «Литературной газете», в журналах «Аврора», «День и ночь», «Знамя», «Наш современник», «Нева» и др. Автор книг стихов «Флажки на карте» (Екатеринбург, 2017) и «Улица Бобылева» (СПб., 2023); книги прозы «Ксякся» (СПб., 2023). Лауреат литературной премии имени Олега Герасимова (2019).

Короткая судьба ждала шмеля,
Раздавленного в середине мая.
И остановка скорая такая!
Водитель двери с лязгом закрывает,
Как будто память, как мечта моя.

* * *

Поверить до конца боялся, Смотрел — зажмуривал глаза. Любил шаги, слова и пальцы, Но из норы не выползал.	Вот так и не поговорили, Лишь я — с собой, ты — с дневником. Твои черты не повторились, Святые, светлые, ни в ком.
Казалось: есть еще другое, Сокрытое в твоей душе. А потому и дорогое Таил, что пригоршню грошей.	И лишь во сне, в толпе покорной Родных, ушедших в глинозем, Кричу тебе о чем-то вздорном И обнимаю обо всем.

* * *

Из ленинградской электрички
В прохладу выскочить, вдохнуть
И солнца колкую ресничку
Пытаться и не мочь сморгнуть.

Мы тут из разных нарративов:
Донбасский дым, уральский чад,
Но осень блюзовым мотивом
Нас заманила в листопад.

Вот Саня отыскал лисичку,
Над козляком склонился Берг.
Вот прогремела электричка,
Сбивая с рельсов первый снег.

Все сразу: снег, грибы и листья.
Сквозь ветки показался мне
Отец, сжимающий канистру
Брусники (умер по весне

И погребен в горах Урала).
А вот — девчонка рядом с ним,
Что в звонкой роще обнимала,
Ушла в столичные огни.

За каждым деревом — родные,
Сам лес мне кажется родней,
Как вспомню пройденные мили
С людьми под крыльями ветвей.

Я уезжаю вслед за солнцем,
Но часть меня — среди корней,
Где птица плачет и смеется
Над зябкой Родиной моей.

* * *

Приснилось: дед вернулся в дом,
И я зашел его проведать.
Уже порядок наведен
Непраздными руками деда.

Пол выметен, хотя густа
Трава крылечка посередке,
И потолок еще хвостат
Куском оборванной проводки.

На перевернутом корыте
Присел и курит, дед устал.
Я замечаю: перекрыта
Прореха в крыше рядом шпал.

Шпала к шпале — и занимает
Меня всего один вопрос:
Как сложный путь одолевает
По скату крыши паровоз?

...Дед все курил, не отвечал,
Стирался паровозным воем.
Не то спросил я сгоряча.
А поезда? Пройдут, чего им...

* * *

Вот стихи про лето и шмеля,
Бьющего в горячее стекло,
Вот — как уменьшается земля,
Но от снега чисто и светло.

Вот стихи про пряди и стихи,
Про письмо, написанное ручкой,
Камышей дрожание сухих
И лугов дыхание цветущих.

В черно-белом кадре — отчий дом,
Он и в самом деле черно-белый,
С потемневшим дощатым двором,
И на досках — лица белым мелом.

Собираю ворохом большим,
В наволочку старую пихаю —
Но сквозь ситец кровью проступают,
Полные отчаяньем моим.

* * *

Вижу чайку, над рынком сужает круги:
Рыбаки разложили улов на картонке,

Слышу: пьянь заливается песенкой громкой,
В честь субботы созвав на скамейку других.

Кошки обживают горячий плитняк —
Меховыми мячами котята под ноги,
В вышине поднимает собачка тревогу,
Из раскрытой фрамуги хвостатых кляня.

Может быть, я впервые за май и июнь
Обнаружил, что все-таки лето случилось.
Может, детство мое потихонечку длилось
И проявится, если еще постою...

* * *

О времени жалеть особенно легко
В начале октября, искать туманным взглядом,
Куда сбежала тень от легких облаков,
И все, что так влекло, но не осталось рядом.

Посетовать, что вновь года берут свое
И манит старый парк сильнее, чем подруги.
Задумчиво смотреть в темнеющий проем
Двери или окна как символов разлуки.

Вдыхая: поделом, — картинно выпить чай,
Махнуть рукой в пальто, прощаясь на пороге.
Под свитером тая до тяжести в плечах
Ночную черноту — небесную дорогу.

* * *

Утром небо было синим,
Как в журнале на бумаге.
Зимний холод, первый иней,
Выдох — скомканная влага.

В это утро я проснулся
И вонзился, все раздвинув:
Фонари, прохожих снулых,
Стен слежавшуюся глину.

Удивительны деревья,
Если их застать спросонок.
Узнаванием старея,
Становлюсь летуч и тонок.

Я иду дорогой к дому
Напрямик через постройки,
И отскакивают комья,
И царапаются кромки.

* * *

Над небом — черная дыра,
Над облаком порозовевшим,
Над стаей чаек обнаглевших,
Орущих с самого утра.

Вот друг, на фото он с тобой,
Но нет его уже в природе.
Отправлен летною погодой
Он в край несбыточный, другой.

И что с того, что телефон
Покажет буквы сообщенья,
Мол, долетел! По ощущеньям,
Не существует больше он.

Пусть через месяц или год
Он вновь в твой самый лучший город
По-прежнему и пьян, и молод
В рубашке новенькой войдет.

Ты знаешь: то уже не он,
Проживший жизнь другой планеты,
Поскольку ты уже — не этот,
Сверлящий взглядом небосклон.

* * *

Фонари тлеют вполнакала,
Пуховик пронимает ветром.
Друг плюет в белизну канала:
— Вот скажи, для чего все это?

Помогает не смысл ответа,
А сама позвонить возможность.
Меркнет зарево сигареты
На его пожелтевшей коже.

Вдоль простывших бредем аллей,
Будто слякоть нам по приколу.
А Андрюха лежит в земле,
У него в голове осколок.

* * *

Вполовину осыпался парк,
Но горит половина вторая.
Приходить не хотела никак
В эту осень пора золотая.

Липы жухли, бледнели и враз
Облетали без всякого цвета.
И мыслишка ко мне пробралась,
Что, наверное, стар для поэта.

Вот и вышел я в юности парк,
Где душа и бурлила, и пела.
Но засыпало листьями так —
Ни судьбы не отыщешь, ни тела.

Я листаю пожухлый дневник —
Всем спасибо, оставившим имя.
Оказалось, к себе я привык,
И не вспомнить, кем был перед ними.

* * *

Безмолвные проводит вечера
В компании горляющих поэтов
Старик, с войны вернувшийся вчера,
В тельняшку и табачный дым одетый.

Под сенью лакированных шкафов
Как будто о покое думать легче.
Он слышит, но не слушает стихов,
Дремля под звуки благородной речи.

Мерещится в окне дурацкий сон,
Сквозь рожицу фиалок проявляясь:
Живой художник с пушкинским лицом
Стоит, как будто вовсе не стреляют.

* * *

Когда поэт ушел, осталась дверь,
И то ли свет оттуда, то ли ветер.
Мы стали обходить ее правей,
Тропинку удлинив на пару метров.

Мы имя перестали называть,
Простое имя, будто у солдата.
Лицо его простое забывать,
Шинель его пустили на заплаты.

Пора пришла — повесили засов,
Все скрылось за густыми лопухами.
А он смотрел на нас со всех крестов.
...Никто не плакал над его стихами.

* * *

Я понял, почему спиваются поэты,
И возрастом своим настигнут был тотчас.
И суету смахнул стихающего лета,
И листья, и цветы запрятал под матрас.

Я знал, что пережил поэта Гумилева,
Но странно было мне себя переживать.
Я вышел из окна в Восточном Бирюлево
И на балконе пел беззвучные слова.

А завтра я пошел на прежнюю работу —
Мы будем долго жить, о пенсии вздыхать.
В пространстве ощущать звенящие пустоты,
Кто словом, кто вином пространство зашивать.

* * *

Стихи населил чудаками:
Так жалко мне было смотреть,
Как годы, катясь за деньками,
Хотят персонажей стереть —

Но старился прежний приятель,
И дети катились с перил,
Я выкинул ветхую скатерть,
Что бывший мой друг подарил.

Красивых, веселых и странных —
В веселии кто не красив?
И пучились строки, программу
Пытаясь мою воплотить.

Я съехал с квартиры на вырост,
Солить научился грибы.
Мои чудаки не пылились,
И каждый остался, как был:

Умеет лучисто смеяться,
Пока я, терзая очки,
Пытаюсь в строке отыскаться —
Но нет обо мне ни строки.